

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРОВОКАТИВНОГО ДИСКУРСА

Т.П. ТРЕТЬЯКОВА, Е.В. ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

В статье рассматриваются понятия провокации и провокативный дискурс, и некоторые принципы функционального лингвистического анализа с помощью которых выявляется достижение перлокутивного эффекта дестабилизации коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: провокация, провокативный дискурс, СМИ, речевые практики, перлокутивный эффект.

ABOUT DEFINITION OF PROVOCATIVE DISCOURSE

T.P. TRETYAKOVA, E.V. PEREVEZENTSEVA

The article discusses the concepts of provocation and provocative discourse, as well as the main directions of functional linguistic analysis of provocative. Political and media text through the search for tactics to achieve the perlocutionary effect of destabilizing the communicative situation.

Key words: provocation, provocative discourse, media, speech practices, perlocutionary effect.

В настоящее время в современном американском политическом и медийном дискурсе достаточно распространённым риторическим приёмом становятся высказывания, которые основаны на провокации, т.е. косвенном убеждении прямого или потенциального адресата к действиям (вербального и невербального характера) удобным именно для говорящего (автора высказывания или его заказчика). Таким образом, провокация связана с идеей побуждения к действию или с подстрекательством к изменению некоторого существующего положения. Спровоцировать могут публично как отдельного человека, так и группу людей. В современной журналистике отмечается рост употребления самого термина «провокация» в 10 раз для объяснения многих недружественных действий/высказываний [7]. Политическая риторика использует этот термин для аргументации выдвигаемых трактовок событий как универсальный способ высказывания взаимных обвинений. Постоянно происходит разделение на «своих» и «чужих» в разных типах дискурса, при этом «мы», – хорошие, а «они» – плохие. В медийном дискурсе, обращённом к потенциальной аудитории как особой совокупности потребителей информации, провокативный дискурс используется для выражения специального мнения относительно тех или иных социально-культурных событий, как элемент аргументации. Провоцирование направлено на установление мнения относительно формирования взглядов и принятия потенциальных решений.

Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении некоторых точек зрения, касающихся лингвистической реализации функционального потенциала провокативного дискурса. Способы и средства провоцирования во многом зависят от социально-культурного контекста существования дискурса.

Следует отметить, что дискурс понимается как единица интеракции, строящаяся на принципах кооперативного взаимодействия собеседников и их нарушениях. При этом функциональный потенциал дискурса бывает разный: бытовой, профессиональный; агрессивный и унисонный. Так, например, разновидностью профессионального дискурса является политический. В политическом дискурсе коммуникация, как правило, происходит в форме диалогического общения, в процессе которого проходит постоянное изучение взаимоотношений между собеседниками, аудиторией и политическим состоянием общества [1]. Целью политического дискурса согласно В.И. Карасику является «завоевание и удержание власти» [8]. В политическом дискурсе также эффективность взаимодействия между собеседниками может заключаться в мотивах действий, мнениях и убеждении действовать в нужном направлении [3].

Поскольку в данной работе в качестве эмпирических данных взят англоязычный материал из американского СМИ – газеты «New York Times», то будет целесообразно предоставить определения терминам «provocation» и «provocativeness» не только на русском, но и на английском языках.

В современных толковых словарях русского и английского языков можно найти общее понимание понятий «provocation». Так, например, в толковых словарях русского языка это понятие определяется как «подстрекательство кого-либо к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для кого-нибудь последствия» [19, с. 563]; «действие, направленное против отдельных лиц, групп, государств с целью вызвать действия, влекущие за собой тяжелые или гибельные последствия» [20]. В английских словарях это понятие трактуется как «действие или фраза для того, чтобы заставить кого-либо погрустнеть или злиться, чтобы начать что-то делать» [22]; «что-то, что способно заставить человека разозлиться или вывести его на спор» [23]; «что-то, что заставит человека почувствовать злость или вести себя агрессивно» [21]. Таким образом, общий вывод, который можно сделать из рассмотренных определений связан с тем, что понятие «provocation» включает в себя в качестве важного компонента императивный компонент значения, сопровождающийся отрицательной оценкой.

Что касается определения термина «provocativeness discourses», то здесь можно отметить, что его исследованием занимаются исследователи разных направлений. Так, в своей работе О.С. Иссерс рассматривает провокативный дискурс как «конфликтогенную технологию речевого воздействия, поскольку он побуждает партнера к таким речевым реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия» [6] и предлагает тактики речевого воздействия на собеседника. Таким образом, исследователь предлагает две тактики провокативного речевого воздействия на собеседника: выведение информации и эмоционально дестабилизирующую [6]. О.С. Волкова также определяет провокативный дискурс как коммуникативную тактику, отличительной чертой которой становится «вовлечение партнера по коммуникации в конфликтное взаимодействие или создание условий для его возникновения» [2].

Н.В. Степанов определяет провокативный дискурс как «комплексное жанровое образование в совокупности лингвистических и экстралингвистических

факторов, выражающее провокативное намерение адресанта скорректировать коммуникативную активность провоцируемого и вызвать в нем демонстрируемое провоцирующее психологическое состояние, которое не соответствует актуальному состоянию реципиента провоцирования» [11].

Н.Н. Кошкарова определяет провокативный дискурс как лингвистический механизм речевой агрессии. В частности, автор выделяет в СМИ два типа провокативного дискурса: прямой и косвенный. Первый тип, по ее мнению, это эксплицитное выражение намерения, говорящего вызвать желаемое психологическое состояние у собеседника. Второй тип выражается при помощи намеков, запросов информации и этикетных речевых актов, которые выгодны как для адресанта, так и для адресата, вызывающие отрицательное эмоциональное состояние у собеседника [9].

В зарубежной лингвистике провокативный дискурс связывается с целым рядом исследований, направленных на определение его функционального потенциала. Так, например, О. Дриссенс предполагает, что провокативным дискурсом является «опосредованный и структурированный процесс, сочетающий в себе практики, нацеленные на повышение осведомленности или вызывающие протест» [17].

В некоторых работах авторы отмечают успех провокации, как и любой стратегии, следует оценивать по перлокутивным эффектам, которые связаны либо с этическими вопросами, либо, в основном, с публичными выступлениями [4; 16]. Подход к изучению провокативного дискурса с точки зрения достижения перлокутивного эффекта позволяет выявлять провокативные стратегии.

Рассматривая провокативный дискурс с точки зрения функционального аспекта, в частности, событийности, можно опереться на коммуникативную концепцию Т. ван Дейка, в которой «дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [4]. Т. ван Дейк также отмечает, что у высказывания существуют четкие границы, которые определяются сменой говорящего.

Опираясь на вышеизложенное, можно отметить, что провокация обладает такими важными характеристиками, как событийность и побуждение к выполнению определенных действий.

Рассмотрим некоторые положения, связанные с определением понятия провокация в отношении выполнения перформативной функции. Так, Дж. Остин предполагает, что «произвести перформативное употребление – значит, к примеру, вызвать кого-то на спор» [10]. Однако, согласно определению перформативности Дж. Остина, считается, что перформативными глаголами могут являться только те, которые сразу обозначают выполняемое действие [10]. По его мнению, перформативность можно представить следующим образом (Модель 1):

Модель 1. Общая перформативная формула

I verb Perform, 1st Pers., Pres. Indef., Indicat., Active you p

В таком случае, такие высказывания, как «Я предупреждаю тебя...», «Я

благодарю тебя...», «Я желаю тебе...» считаются перформативными и входят в список перформативных глаголов, тогда как провокативные высказывания нет, поскольку «Я провоцирую тебя...» не является перформативным [10].

Опираясь на теорию речевых высказываний Дж. Остина следует отметить, что таким образом провокативный дискурс будет обладать перлокутивным эффектом, а не иллокутивным [10], так как функционирует при помощи определенных совершаемых ходов или действий, в основе которых лежит интенциональное намерение говорящего, выраженное имплицитно, а также опирается на знание коммуникативной ситуации и ее оценку. Предполагается, что провокативный дискурс реализуется последовательно на уровне высказывания или даже всего текста, пока не будет достигнут желаемый результат.

Также, можно отметить, что провокативный дискурс может иметь следующие характеристики: во-первых, основным свойством медийной провокации является ее развертывание в СМИ, во-вторых, провокация усиливает влияние провокатора в обществе и ставит под сомнение легитимность действий того, кто впоследствии должен на нее отреагировать, в-третьих, лица, наблюдающие за провокацией – аудитория СМИ [5; 17].

В качестве примера политического провокативного дискурса можно привести отдельные фрагменты или фразы из интервью президента США Джона Байдена, в то время еще вице-президента, данного журналистам газеты «New York Times» 16 декабря 2019 года. Всего интервью длилось полтора часа, в процессе которого журналисты задавали вопросы Дж. Байдену о значимых политико-общественных событиях [18]. Данный тип интервью можно отнести к «агрессивному», так как журналист в ходе беседы пытался раскрыть негативные взгляды собеседника на поднимаемые в нем темы, а также предпринимал попытки дискредитировать собеседника в глазах «аудитории» [1; 13; 14; 15]. Стоит отметить, что некоторые вопросы носят провокативный и наступательный характер. Как отмечается в статье Т.П. Третьяковой о речевом поведении участников политического интервью, во время ведения коммуникации собеседники могут прибегать к некоторым стратегиям ведения беседы [14], среди которых автор также выделяет «стратегию ухода от ответа или контрвопроса, или смену темы и ссылки на авторитеты, с целью защиты или «наступления» [5; 12; 14]. Данная стратегия может быть широко распространена в политическом провокативном дискурсе. Так, например, в теме о «расизме» на вопросы журналиста «*Mr. Vice President, why don't you support reparations for black Americans?*», «*How specifically should the country confront its history of slavery, discrimination and plunder of black America?*» Дж. Байден вскоре начинает либо размышлять вслух или уходит от ответа используя такие фразы, как «*I think...*», «*I mean...*», либо ссылаясь на других авторитетных личностей (Б. Обаму, Д.П. Мойнихама), менять тему в свою защиту, тем самым политик предпринимает попытку уложиться во мнения и оценки его адресатов, «потребителей» политического дискурса» [5]. Журналист неоднократно пытается задавать уточняющие вопросы и углубляться в обсуждаемую тему, но президент США быстро «обрезает» такие попытки, в результате чего провокацию можно считать неудачной, так как перлокутивный

эффект не был достигнут.

Таким образом, можно отметить, что перспективными принципами анализа провокативного дискурса будут являться нарративный и критический. Многие ученые неоднократно предпринимали попытки дать определение провокативному дискурсу, который является дестабилизирующим дискурсом и требует уточнения, а также дальнейшего комплексного функционально-семантического анализа. На основании проведенного обзора статей, посвященных провокативному дискурсу, под таким дискурсом можно понимать дестабилизирующий тип дискурса, перлокутивный эффект которого нацелен на изменение коммуникативной активности провоцируемого и его когнитивного состояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимджанов А.А., Третьякова Т.П. К вопросу о жанровых типах институционального политического дискурса США // Дискурс. 2019. Т. 5. № 6. С. 144-154.
2. Волкова О. С. Коммуникативная провокация как стратегия деструктивного поведения в бытовом конфликте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкоznание. – 2014. – № 5. – С. 49–55.
3. Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. — М.: Книжный дом «Л И БРО К О М», 2013. - 344 с.
4. Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Под ред. В.И. Герасимова; Сост. В.В. Петрова; Вступ. ст. Ю.Н. Карапула и В.В. Петрова. Изд. 2-е. – М. ЛЕНАНД, 2015. – С. 121–122.
5. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ. / Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов/ Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. С. 374-394.
6. Иссерс О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. - М., 2009. - № 2 (18). - С. 92-104
7. Рувинский В. Как все вокруг стало провокацией // Ведомости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 27.02.2021).
8. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5-20
9. Кошкарова Н.Н. Лингвистические механизмы речевой агрессии в СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (148). Филология. Искусствоведение. Вып.30. С. 48–52
10. Остин, Дж. Избранное / Дж. Остин. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.
11. Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации: монография / В.Н. Степанов. – СПб.: Розамира, 2008. – 268 с.
12. Третьякова Т.П. О лингвистической интерпретации современных стереотипов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 7. № 1. С. 201-208.
13. Третьякова Т.П. О функциональной семантике «корректного» и «некорректного» политического языка в англоязычном медиадискурсе // Язык и культура в эпоху глобализации. Сборник научных статей по материалам Первой всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. Под редакцией И.В. Кононовой. 2020. С. 28-33.
14. Третьякова Т. П. Речевое поведение участников политического интервью // Коммуникативное поведение человека. Вербальные и невербальные составляющие. ФГБОУ ВО

«Ивановский государственный университет» Лаборатория коммуникативного поведения человека; редкол. Е.А. Вансяцкая (отв.ред.). – Иваново: ЛИТОС. 2017. – С. 90-99.

15. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.

16. Barendt, E. What Is the Harm of Hate Speech? Ethic Theory Moral Prac 22, 539–553 (2019). <https://doi.org/10.1007/s10677-019-10002-0> (дата обращения: 27.01.2021).

17. Driessens, O. (2013). “Do (not) go to vote!” Media provocation explained // European Journal of Communication, 28(5). 2014. P. 556-569.

18. Joe Biden. Former vice president of the United States. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/01/17/opinion/-joe-biden-nytimes-interview.html> (дата обращения: 10.02.2021).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

19. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное – М.: ООО «А ТЕМП», 2013. – С. 563.

20. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushdict.narod.ru> (дата обращения: 15.11.2020).

21. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman – Словарь современного английского языка, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovar-vocab.com> (дата обращения: 7.11.2020).

22. Oxford Advanced Learner's English Dictionary – Оксфордский английский словарь для изучающих язык на продвинутом уровне, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovar-vocab.com> (дата обращения: 7.11.2020).

23. Webster's New International English Dictionary. – Новый международный словарь английского языка Webster, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovar-vocab.com> (дата обращения: 7.11.2020).